

ВСАДНИКИ ПРОКЛЯТОГО ЛЕСА

Однажды купили родители в магазине черную пластинку. Принесли домой, положили на стол и стали собираться на работу. Мама девочке говорит: «Мы уходим, а ты ни в коем случае не слушай черную пластинку». Сказала и ушла. Девочка долго ходила вокруг стола, брала пластинку, вертела ее в руках. А потом не выдержала и поставила ее. Сначала долго раздавалось шипение, а потом злое шепот произнес: «Здравствуй, девочка. Я Смерть. Я пришла за тобой». И девочки не стало. А пластинка так до сих пор и играет, потому что некому выключить проигрыватель.

Глава I

ТРОЕ ИЗ ЛЕСА

Лес застыл, прислушиваясь. Испуганно ухнувшая птица подавилась собственным криком и глубже закопалась в ветви. Мороз крепчал. Заледенелые елки потемнели, ярче на них обозначился белый снег.

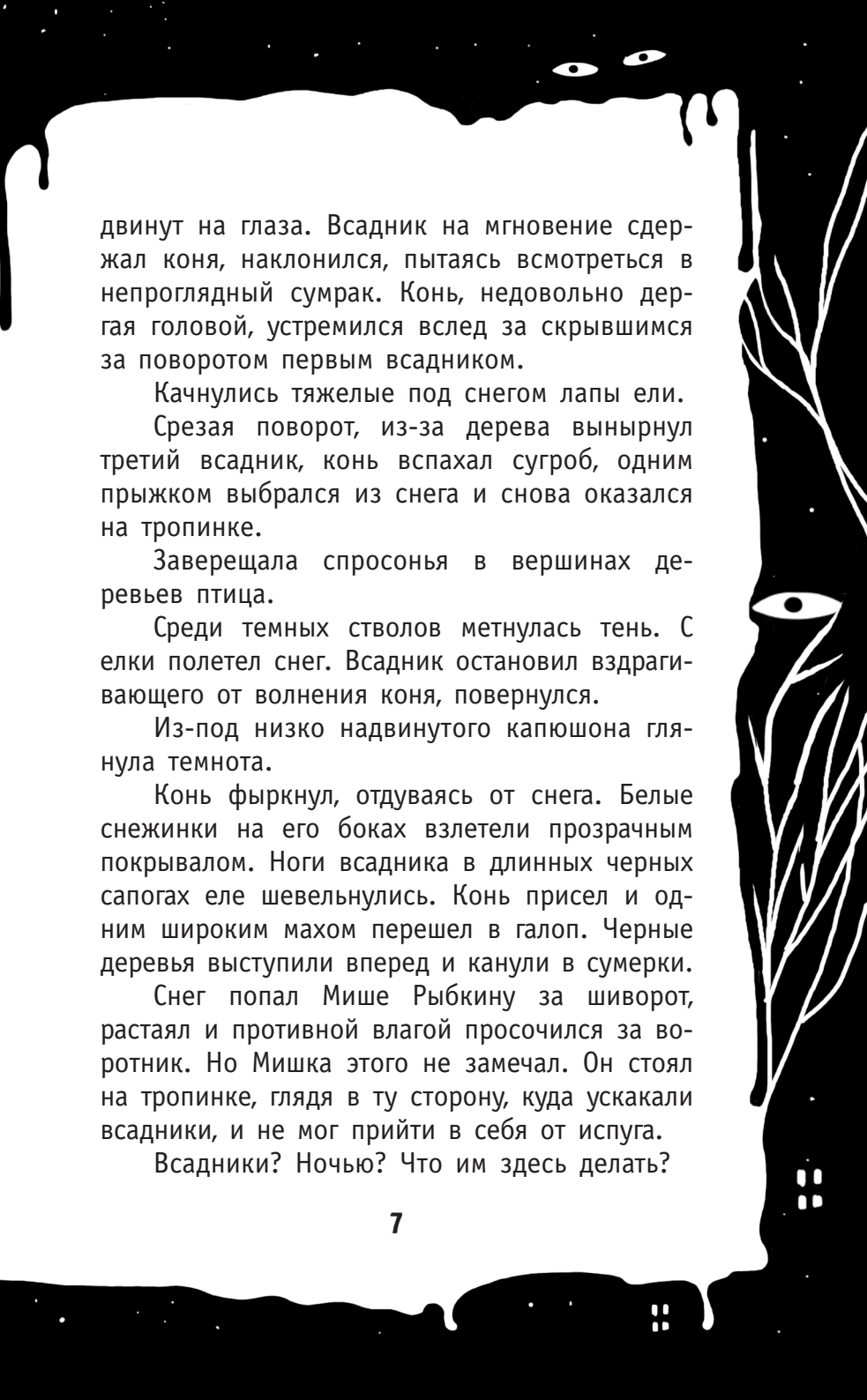
Что-то должно было произойти...

И что-то произошло...

Издали мерный хруст приближающихся шагов. От этого звука вздрогнул воздух. Шевельнулись, оживая, елки, полетел на землю снег. Укатанная трудолюбивыми лыжниками тропинка оцепенела — так всегда бывает, когда кто-то ждет чьего-то появления.

И они появились.

Из-за поворота черной тенью вылетел конь, на нем темным горбом возвышался всадник, с его высоких угловатых плеч спадал плащ. Конь всхрапнул, шарахаясь от веток. На ровной дороге он прибавил ходу. За ним появился второй всадник, его длинная накидка дыбилась на ветру, капюшон был низко на-

двинут на глаза. Всадник на мгновение сдержал коня, наклонился, пытаясь всмотреться в непроглядный сумрак. Конь, недовольно дергая головой, устремился вслед за скрывшимся за поворотом первым всадником.

Качнулись тяжелые под снегом лапы ели.

Срезая поворот, из-за дерева вынырнул третий всадник, конь вспахал сугроб, одним прыжком выбрался из снега и снова оказался на тропинке.

Заверещала спросонья в вершинах деревьев птица.

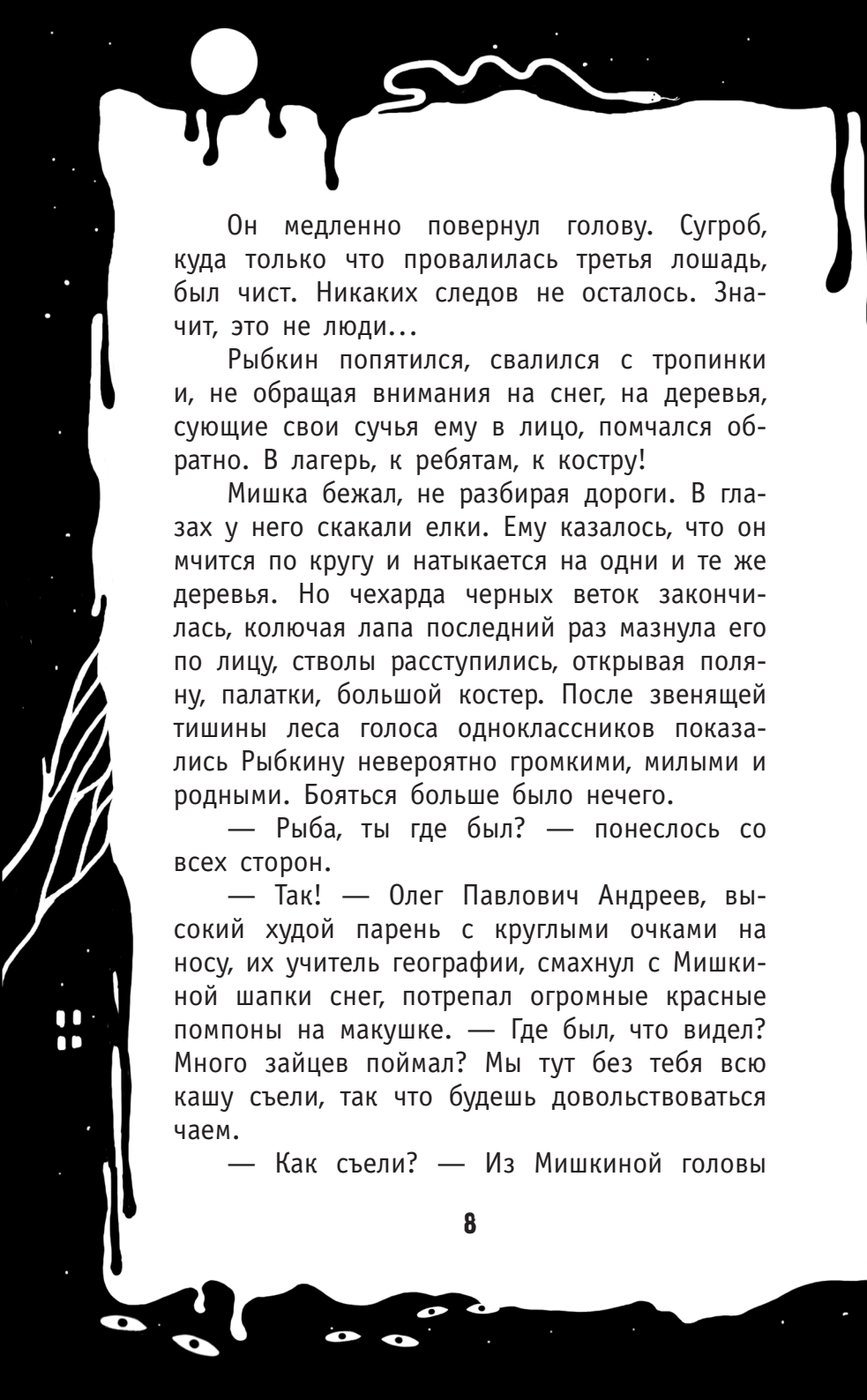
Среди темных стволов метнулась тень. С елки полетел снег. Всадник остановил вздрагивающего от волнения коня, повернулся.

Из-под низко надвинутого капюшонаглянула темнота.

Конь фыркнул, отдуваясь от снега. Белые снежинки на его боках взлетели прозрачным покрывалом. Ноги всадника в длинных черных сапогах еле шевельнулись. Конь присел и одним широким махом перешел в галоп. Черные деревья выступили вперед и канули в сумерки.

Снег попал Мише Рыбкину за шиворот, растаял и противной влагой просочился за воротник. Но Мишка этого не замечал. Он стоял на тропинке, глядя в ту сторону, куда ускакали всадники, и не мог прийти в себя от испуга.

Всадники? Ночью? Что им здесь делать?

Он медленно повернул голову. Сугроб, куда только что провалилась третья лошадь, был чист. Никаких следов не осталось. Значит, это не люди...

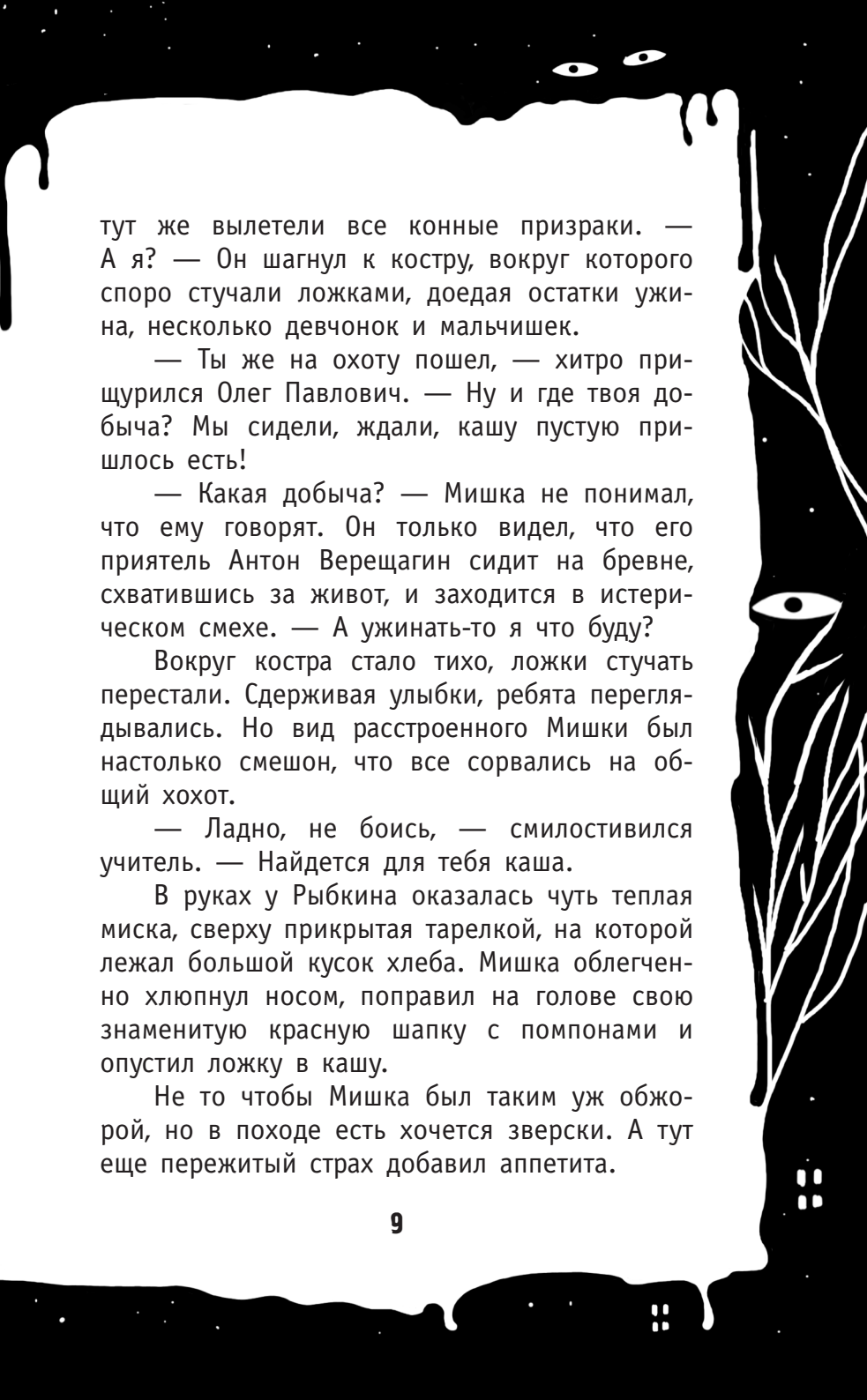
Рыбкин попятился, свалился с тропинки и, не обращая внимания на снег, на деревья, сующие свои сучья ему в лицо, помчался обратно. В лагерь, к ребятам, к костру!

Мишка бежал, не разбирая дороги. В глазах у него скакали елки. Ему казалось, что он мчится по кругу и натывается на одни и те же деревья. Но чехарда черных веток закончилась, колючая лапа последний раз мазнула его по лицу, стволы расступились, открывая поляну, палатки, большой костер. После звенящей тишины леса голоса одноклассников показались Рыбкину невероятно громкими, милыми и родными. Бояться больше было нечего.

— Рыба, ты где был? — понеслось со всех сторон.

— Так! — Олег Павлович Андреев, высокий худой парень с круглыми очками на носу, их учитель географии, смахнул с Мишкиной шапки снег, потрепал огромные красные помпоны на макушке. — Где был, что видел? Много зайцев поймал? Мы тут без тебя всю кашу съели, так что будешь довольствоваться чаем.

— Как съели? — Из Мишкиной головы

тут же вылетели все конные призраки. — А я? — Он шагнул к костру, вокруг которого споро стучали ложками, доедая остатки ужина, несколько девчонок и мальчишек.

— Ты же на охоту пошел, — хитро прищурился Олег Павлович. — Ну и где твоя добыча? Мы сидели, ждали, кашу пустую пришлось есть!

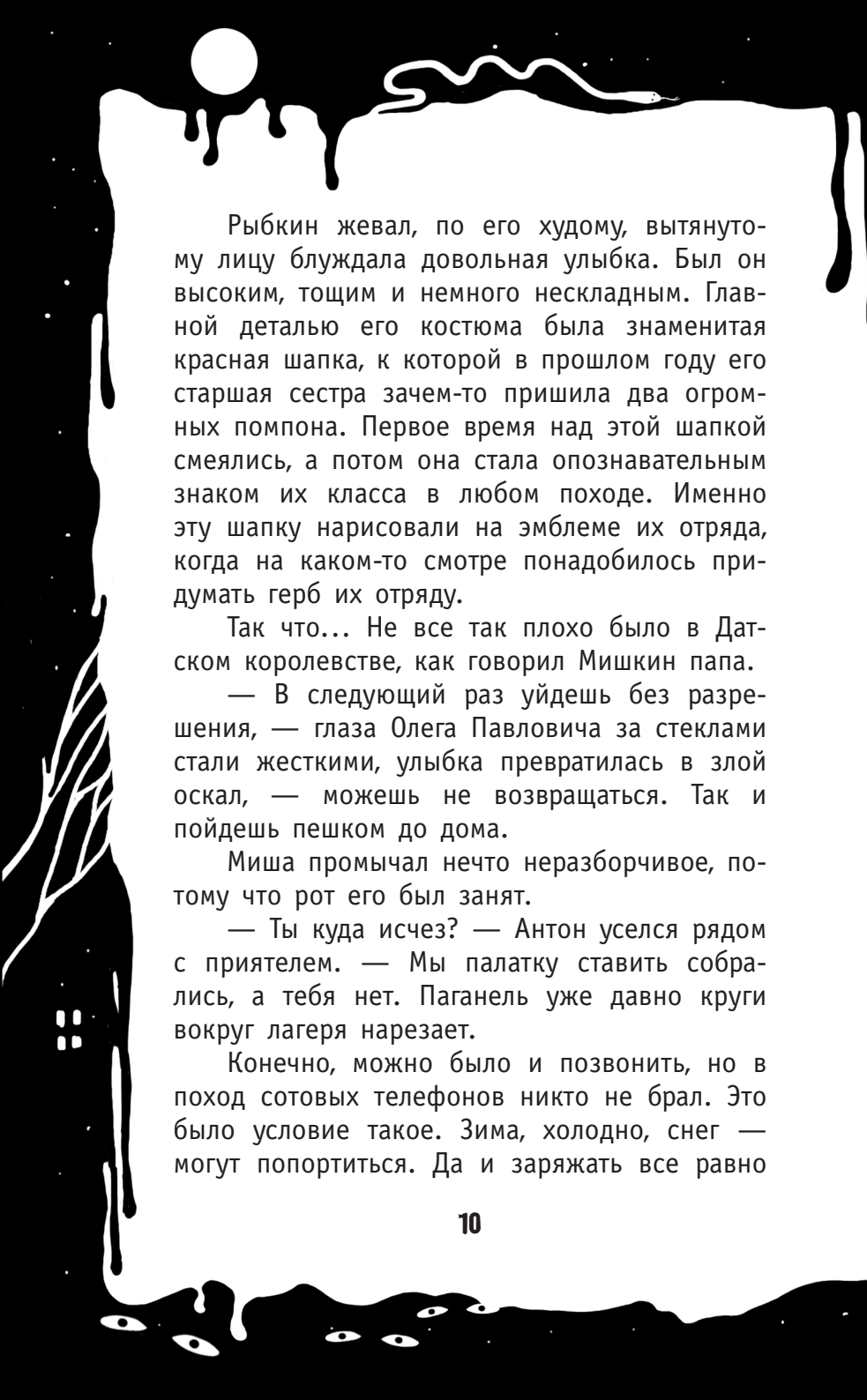
— Какая добыча? — Мишка не понимал, что ему говорят. Он только видел, что его приятель Антон Верещагин сидит на бревне, схватившись за живот, и заходится в истерическом смехе. — А ужинать-то я что буду?

Вокруг костра стало тихо, ложки стучать перестали. Сдерживая улыбки, ребята переглядывались. Но вид расстроенного Мишки был настолько смешон, что все сорвались на общий хохот.

— Ладно, не бойсь, — смилостивился учитель. — Найдется для тебя каша.

В руках у Рыбкина оказалась чуть теплая миска, сверху прикрытая тарелкой, на которой лежал большой кусок хлеба. Мишка облегченно хлюпнул носом, поправил на голове свою знаменитую красную шапку с помпонами и опустил ложку в кашу.

Не то чтобы Мишка был таким уж обжорой, но в походе есть хочется зверски. А тут еще пережитый страх добавил аппетита.

Рыбкин жевал, по его худому, вытянутому лицу блуждала довольная улыбка. Был он высоким, тощим и немного нескладным. Главной деталью его костюма была знаменитая красная шапка, к которой в прошлом году его старшая сестра зачем-то пришила два огромных помпона. Первое время над этой шапкой смеялись, а потом она стала опознавательным знаком их класса в любом походе. Именно эту шапку нарисовали на эмблеме их отряда, когда на каком-то смотре понадобилось придумать герб их отряду.

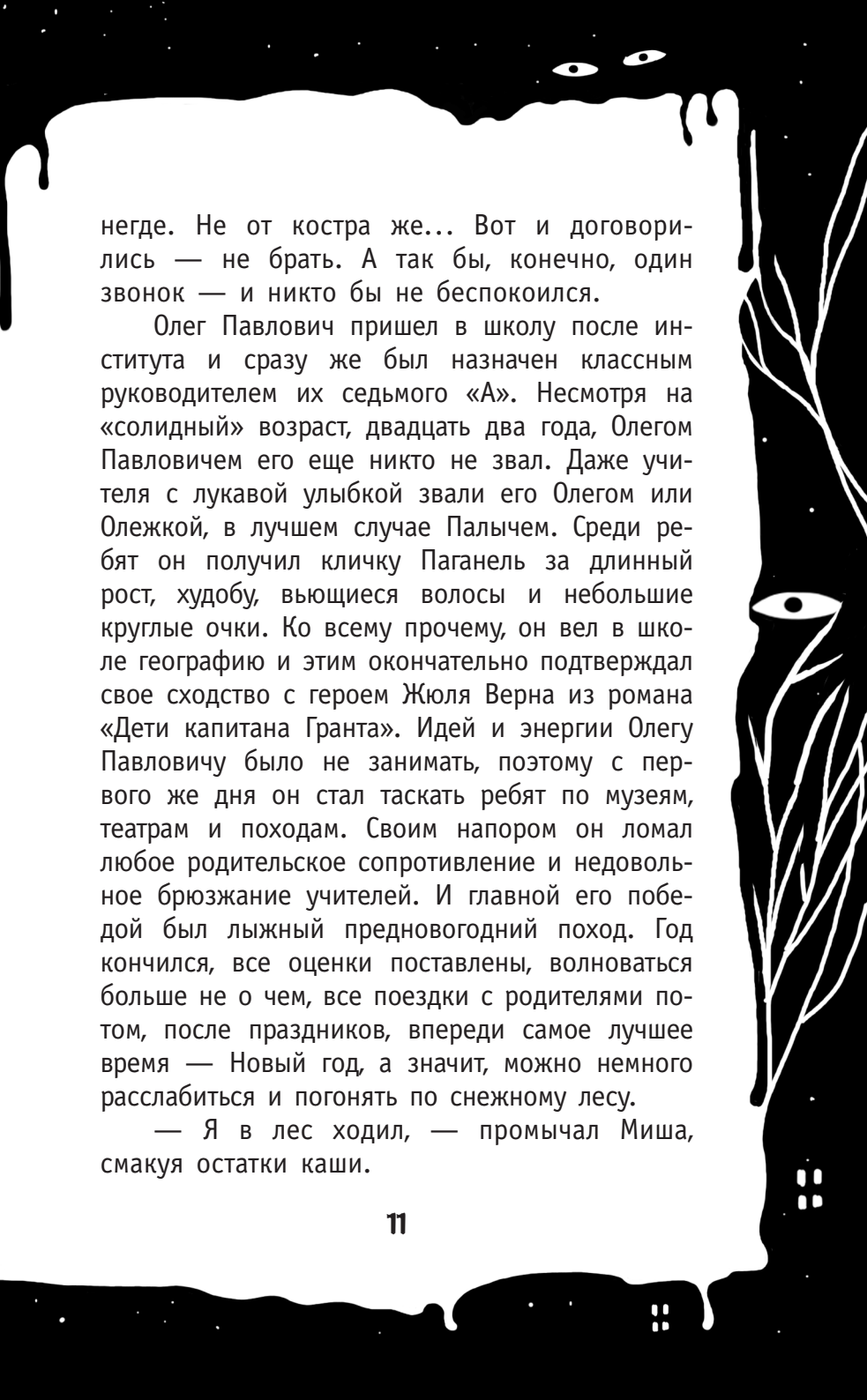
Так что... Не все так плохо было в Датском королевстве, как говорил Мишкин папа.

— В следующий раз уйдешь без разрешения, — глаза Олега Павловича за стеклами стали жесткими, улыбка превратилась в злой оскал, — можешь не возвращаться. Так и пойдешь пешком до дома.

Миша промычал нечто неразборчивое, потому что рот его был занят.

— Ты куда исчез? — Антон уселся рядом с приятелем. — Мы палатку ставить собрались, а тебя нет. Паганель уже давно круги вокруг лагеря нарезает.

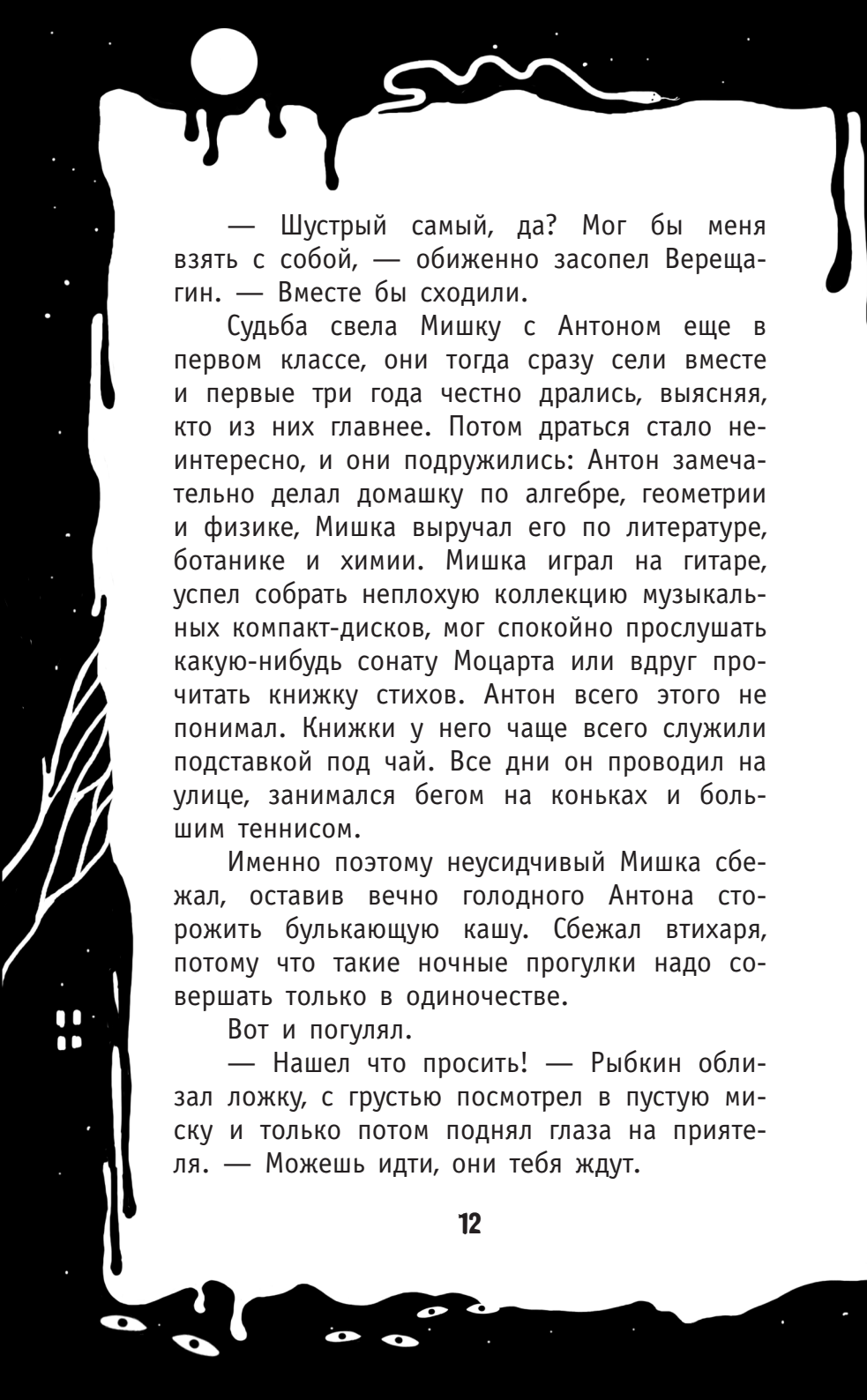
Конечно, можно было и позвонить, но в поход сотовых телефонов никто не брал. Это было условие такое. Зима, холодно, снег — могут попортиться. Да и заряжать все равно

негде. Не от костра же... Вот и договорились — не брать. А так бы, конечно, один звонок — и никто бы не беспокоился.

Олег Павлович пришел в школу после института и сразу же был назначен классным руководителем их седьмого «А». Несмотря на «солидный» возраст, двадцать два года, Олегом Павловичем его еще никто не звал. Даже учителя с лукавой улыбкой звали его Олегом или Олешкой, в лучшем случае Палычем. Среди ребят он получил кличку Паганель за длинный рост, худобу, вьющиеся волосы и небольшие круглые очки. Ко всему прочему, он вел в школе географию и этим окончательно подтверждал свое сходство с героем Жюль Верна из романа «Дети капитана Гранта». Идей и энергии Олегу Павловичу было не занимать, поэтому с первого же дня он стал таскать ребят по музеям, театрам и походам. Своим напором он ломал любое родительское сопротивление и недовольное брюзжание учителей. И главной его победой был лыжный предновогодний поход. Год кончился, все оценки поставлены, волноваться больше не о чем, все поездки с родителями потом, после праздников, впереди самое лучшее время — Новый год, а значит, можно немного расслабиться и погонять по снежному лесу.

— Я в лес ходил, — промычал Миша, смакуя остатки каши.

— Шустрый самый, да? Мог бы меня взять с собой, — обиженно засопел Верещегин. — Вместе бы сходили.

Судьба свела Мишку с Антоном еще в первом классе, они тогда сразу сели вместе и первые три года честно дрались, выясняя, кто из них главнее. Потом драться стало неинтересно, и они подружились: Антон замечательно делал домашку по алгебре, геометрии и физике, Мишка выручал его по литературе, ботанике и химии. Мишка играл на гитаре, успел собрать неплохую коллекцию музыкальных компакт-дисков, мог спокойно прослушать какую-нибудь сонату Моцарта или вдруг прочитать книжку стихов. Антон всего этого не понимал. Книжки у него чаще всего служили подставкой под чай. Все дни он проводил на улице, занимался бегом на коньках и большим теннисом.

Именно поэтому неусидчивый Мишка сбежал, оставив вечно голодного Антона сторожить булькающую кашу. Сбежал втихаря, потому что такие ночные прогулки надо совершать только в одиночестве.

Вот и погулял.

— Нашел что просить! — Рыбкин облизал ложку, с грустью посмотрел в пустую миску и только потом поднял глаза на приятеля. — Можешь идти, они тебя ждут.

— Кто?

— Всадники. — Мишка потянулся за кружкой. — Там в лесу всадники... Черные, страшные и... — Он поискал слова. — И... кровожадные, — зачем-то ляпнул он.

— Почему кровожадные? — растерялся Верещагин.

— Вампиры потому что! — с воодушевлением стал врать Мишка. — Под капюшонами пустота. В сугроб прыгнули и следов не оставили.

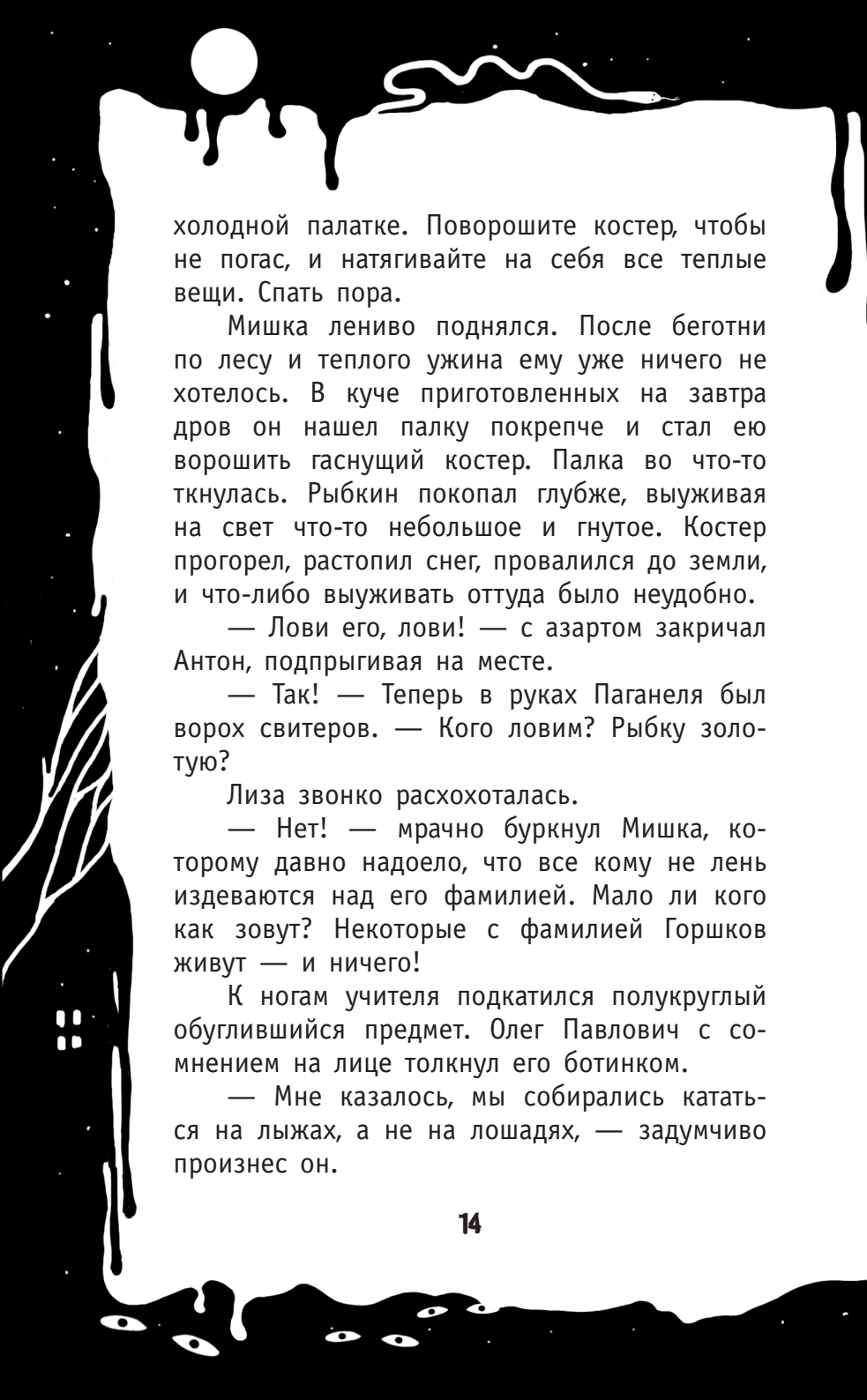
— Зато ты там, наверное, очень наследил, — съязвила Лиза Шульгина, которая сидела рядом, грела руки о железные бока кружки и откровенно подслушивала разговор приятелей.

— А ты бы не испугалась, если бы на тебя из темноты выскочила такая махина! — напустился на нее Рыбкин.

— Ой, ой, ой! — томно протянула Лиза. — Лошадь он никогда не видел... Или это был всадник без головы?

— Нет, головы у них были... — на полном серьезе ответил Мишка. — Странные были эти всадники, проскакали, как призраки. Я даже подумал, что это привидения.

— Так, привидения! — Рядом стоял Паганель, нагруженный стопкой спальников. — Еще полчаса посидите — и будете спать в

холодной палатке. Поворочите костер, чтобы не погас, и натягивайте на себя все теплые вещи. Спать пора.

Мишка лениво поднялся. После беготни по лесу и теплого ужина ему уже ничего не хотелось. В куче приготовленных на завтра дров он нашел палку покрепче и стал ею ворошить гаснущий костер. Палка во что-то ткнулась. Рыбкин покопал глубже, выуживая на свет что-то небольшое и гнущее. Костер прогорел, растопил снег, провалился до земли, и что-либо выуживать оттуда было неудобно.

— Лови его, лови! — с азартом закричал Антон, подпрыгивая на месте.

— Так! — Теперь в руках Паганеля был ворох свитеров. — Кого ловим? Рыбку золотую?

Лиза звонко расхохоталась.

— Нет! — мрачно буркнул Мишка, которому давно надоело, что все кому не лень издеваются над его фамилией. Мало ли кого как зовут? Некоторые с фамилией Горшков живут — и ничего!

К ногам учителя подкатился полукруглый обуглившийся предмет. Олег Павлович с сомнением на лице толкнул его ботинком.

— Мне казалось, мы собирались кататься на лыжах, а не на лошадях, — задумчиво произнес он.

— При чем здесь лошади? — напрягся Рыбкин. Перед глазами у него сразу встал снежный лес и черные тени на тропинке.

— При том! — Паганель был мрачен. — То, что ты достал, называется подкова. И ею обычно подковывают лошадей.

Подкова была совсем черная, истончившаяся, дырочки по центральному ободку заросли ржавчиной. Миша потрогал находку рукой — не горячая ли? Поднял ее и стал бестолково вертеть перед своим носом — в подковах он ничего не понимал.

— Кстати, подковы приносят удачу, — добавил Олег Павлович, исчезая в палатке мальчиков.

Рыбкин с сомнением покосился на учителя, взвесил на ладони прожженную железку.

— Удача — это хорошо, — по-деловому отозвался Антон. — Гони ее сюда, сейчас проверять будем.

Но тут Паганель отправил всех по палаткам, велел отсыпаться перед завтрашним марш-броском, и все эксперименты были отложены до лучших времен.

— Слушай, — бормотал Верещагин, ворочаясь в спальнике, чтобы согреться, — если это подкова, значит, здесь кто-то на лошади скакал. Значит, твои всадники не привидения.